

Огаркова Наталья Алексеевна
SPIN-код: 1636-8609
e-mail: natalia.ogarkova@gmail.com

Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора музыки Российского института истории искусств.

190000, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., д. 5

Профессор кафедры междисциплинарных исследований и практик в области искусств Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Natalia A. Ogarkova
SPIN-code: 1636-8609
e-mail: natalia.ogarkova@gmail.com

Doctor of Art History, Leading Research Fellow at the Music Department of the Russian Institute of the History of the Arts.

Isaakievskaya sq., 5, St. Petersburg, 190000, Russia

Professor at the Department of Interdisciplinary Studies and the Practical Work in the Field of Art at the St. Petersburg State University.

Universitetskaya Embankment, 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia

А. С. Даргомыжский о «славе», «искусстве», «вдохновении» в письмах к Л. И. Кармалиной

В статье на материале писем А. С. Даргомыжского к Л. И. Кармалиной рассматривается мифология славы, искусства, вдохновения, феномен художника-творца в контексте романтического мироощущения композитора; акцентируется тезис Даргомыжского об избранности «истинного художника», одаренного способностью к поиску одиночества, уединения или близкого круга друзей. Романтическая оппозиция «герой — общество» интерпретируется как модель жизненного поведения Даргомыжского, активно боровшегося с Дирекцией императорских театров за постановку своих опер. Неоднозначность личности композитора представлена в аспекте его отношения к успеху и публичности своих сочинений, к профессиональной репутации М. И. Глинки.

Ключевые слова: *Даргомыжский, Кармалина, слава, вдохновение, творчество, уединение, театральная дирекция, критика, публика.*

A. S. Dargomyzhsky on “Fame”, “Art”, “Inspiration” in his Letters to L. I. Karmalin

Basing on the material of the letters of A. S. Dargomyzhsky to L. I. Karmalina the article discusses the mythology of fame, art and inspiration as well as the phenomenon of the artist-creator in the context of the romantic attitude of the composer. It emphasizes Dargomyzhsky's idea of a chosen “true artist” gifted with a talent of seeking seclusion, solitude or a narrow circle of friends. The opposition of the romantic hero to the society is interpreted as the composer's behaviour model in life: Dargomyzhsky fought hard with the Directorate of the Imperial Theatres to have his operas staged. The composer's controversial personality is discussed in relation to his attitude to success and publicity of his works and to the professional reputation of M. I. Glinka.

Keywords: *Dargomyzhsky, Karmalina, fame, inspiration, creative activity, seclusion, theatre administration, critique, public.*

УДК 78.03
ББК 85.313(2)

Наталья Огаркова

А. С. Даргомыжский о «славе», «искусстве», «вдохновении» в письмах к Л. И. Кармалиной

Переписка Александра Сергеевича Даргомыжского и Любови Ивановны Кармалиной продолжалась почти 12 лет: с конца 1856-го по ноябрь 1868 года¹. Кармалина не случайно стала одним из постоянных адресатов композитора и женщиной, с которой Даргомыжского связывали многолетние дружеские отношения. Притягательная внешность,

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 16–04–00012–ОГН А.

¹ Автографы писем А. С. Даргомыжского к Л. И. Кармалиной не обнаружены. Известны пятнадцать писем к ней композитора, впервые опубликованные В. В. Стасовым (*Стасов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии. 1813–1869. Письма Даргомыжского к Л. И. Кармалиной // Русская старина. 1875. Июль. С. 416–435*), затем перепечатанные И. А. Корзухиным (*Автобиография и письма А. С. Даргомыжского // Артист. 1894. Год 6-й. Кн. 3. № 35. С. 32–49; Кн. 5. № 37. С. 25–31; Кн. 7. № 39. С. 94–97*), Н. Ф. Финдейзенем (*Даргомыжский А. С. (1813–1869). Автобиография. Письма. Воспоминания современников. СПб., 1921. С. 44–48, 51–52, 53–54, 54–56, 61, 61–62, 63–64, 64–66, 66–70, 70, 116–117, 118–119, 120, 123–124, 127.*) и М. С. Пекелисом (выборочно — 7 писем; *Даргомыжский А. С. Избранные письма. М., 1952. Вып. 1. С. 43–48, 48–49, 49–52, 52–55, 55–57, 57–59, 59–61*). Об истории первых публикаций о Даргомыжском см.: *Гусейнова З. М. Из истории первых публикаций об А. С. Даргомыжском // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2013. Вып. 4. С. 16–22*. Публикация Стасова для данной статьи является основополагающей, так как он располагал копиями писем Даргомыжского, сделанными Кармалиной с автографов со своими примечаниями и переданными ему в 1875 году. В данной статье цитируемые фрагменты писем приводятся с сохранением маркировки слов, орфографии, синтаксической структуры текстов, что дает

музыкальная одаренность, талант певицы и страстной поклонницы его творчества, искреннее и заботливое отношение к личности «доброе, бесценного друга» стали причиной их близкого и длительного общения².

В письмах Даргомыжского содержатся значительные для понимания творчества и личности суждения Даргомыжского о «славе», «таланте», «вдохновении», предназначении творчества и миссии творца, о характере дружеских и профессиональных контактов с Глинкой, об отношениях с Дирекцией императорских театров, с журналистами, «высшим и чиновным обществом», о русской вокальной и композиторской школе, об оценках творчества композиторов-современников и многом другом.

6 августа 1857 года Кармалина сообщала в письме Даргомыжскому об успехе своих вокальных концертов в Италии и Франции. К письму она приложила списанные с парижских журналов рецензии на свои выступления, подчеркнув, что хвалили ее не только в Италии, но и в Париже. Здесь же с некоторой полемической интонацией Кармалина заострила тему недооцененного Россией таланта Даргомыжского: «А Вас то как оценили! Вас, кому бы надо было воздвигнуть храм и трон!»³ Эта фраза вызвала весьма эмоциональную реакцию композитора на волнующий его вопрос о признании своего «имени» в России. Обвинительный вердикт Кармалиной по поводу недооценки его творчества в родной стране Даргомыжский решительно отверг.

Мы с вами видим многие предметы совершенно различно, даже противоположно. Например, вы вполне удовлетворены фимиамом иностранных газет: считаете его достойным вознаграждением за ваш талант, труды и проч. С вашей точки зрения, вы правы. Но когда вы пишете, что Россия меня не оценила, — меня, которому следует воздвигнуть храм (замечу, что эта странная гипербола не может оправдываться даже самой экзальтированной

возможность современному читателю «услышать» особую интонацию той эпохи. В соответствии с документами даты писем указаны по старому стилю.

Тринадцать автографов писем Л. И. Кармалиной к А. С. Даргомыжскому хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф.241. А. С. Даргомыжский. 1857–1860 гг. и б/д. 28 л.).

² Любовь Ивановна Кармалина (урожденная Беленицына; 3/15 октября 1834, Москва — 21 мая/3 июня 1903, усадьба Кобринно, станция Прибыtkово — ныне Ленинградская область), певица-любительница; воспитывалась в Санкт-Петербургском Екатерининском институте, где обучалась игре на фортепиано и пению под руководством Г. Я. Ломакина, затем пению у М. И. Глинки и А. С. Даргомыжского. Кармалина неоднократно исполняла романсы Глинки и Даргомыжского в Петербурге, Одессе, Флоренции, Риме, Варшаве, Вене.

³ ОР РНБ Ф.241. А. С. Даргомыжский. Ед. хр. 10. Л. 14.

дружбой), то я могу доказать вам, что с моей точки зрения Россия оценила меня, может быть, выше моего достоинства⁴.

В качестве аргументов признания современниками своего творчества Даргомыжский ссылается на узкий круг некоторых почитателей, с сочувствием откликавшихся на его опусы, «призванных понимать и любить все доброе, изящное, благородное», имея в виду преимущественно женщин, «многих милых слушательниц», «милых сердцу и слуху», способных проливать «непритворные слезы» в моменты исполнения его музыки⁵. За пределы этого круга он отбрасывает театральную дирекцию, поступавшую с ним всю его жизнь «отвратительно» и осуществившую «гнусную» постановку «Русалки», аристократию, игнорировавшую его оперы, «высшее и чиновное общество», «глупых полузнатоков» и «газетных писак», относившихся к нему «неблагонамеренно» и к тому же стыдившихся «подписывать имена свои»⁶. И даже если бы вдруг этот «случайный, временный порядок вещей <...> в обратном действии» в жизни воцарился, то, — констатирует Даргомыжский, — он не стал бы «истинным вознаграждением» за его «труды».

Вы знаете, что я всегда пишу для кого-нибудь; что писал и для вас, когда вам этого хотелось... И так, ежели вы и другия, для кого я писал, цените талант мой, на что же мне поклонение дирекции, чиновников и газет? Для меня, как артиста, вы и те другия — составляете Россию: стало быть, с моей точки зрения, Россия вполне оценила меня. Ясно?⁷

В доказательствах оценки собственных творений современниками «выше его достоинства», в отношении Даргомыжского к теме славы, публично-го признания явно проступают черты романтического мироощущения. Заявляя в письмах к Кармалиной свой взгляд на волнующую его тему, композитор маркирует границы «своего» и «чужого» мира, противополо-

⁴ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 16 августа 1857 г. См.: *Стахов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии.* С. 420–421.

⁵ Там же. С. 421. Искусство ради женщин — романтический мотив, неоднократно звучавший в письмах к Кармалиной. Подробнее см.: *Огаркова Н. А. Образ А. С. Даргомыжского в письмах к Л. И. Кармалиной // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. Научно-аналитический, научно-образовательный журнал.* 2017. 3 [45]. С. 3–8.

⁶ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 16 августа 1857 г. См.: *Стахов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии.* С. 421.

⁷ Там же.

ставляя мир художника как творца искусства — миру «громкой», торгашеской славы, репрезентируемой властью, богатством, происхождением, интимный круг друзей-единомышленников — царству недругов: театральной власти, аристократии, критике, публике.

Художник в романтическом мировосприятии Даргомыжского должен быть лишен «непростительного самолюбия и честолюбия», «излишней артистической гордости»; «художник — существо исключительное», труд и работа ему не в тягость, а составляет «наслаждение в жизни»; художника не только «не привлекает роскошь, моды, обеды, светские развлечения и прочие удовольствия», но он ими «тяготится».

Тот кто пишет с целью приобретения богатства или громкой славы, уже не есть художник, а просто талантливый человек, торгующий способностями своими, примененными к делу искусства или поэзии⁸.

Даргомыжский напоминает Кармалиной «превосходные стихи» своего «тезки» А. С. Пушкина:

Ты царь. Живи один, дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный!

И восхищаясь гениальностью и правотой Пушкина, утверждает: «... счастлив тот из призванных, кого опыт жизни и любовь к искусству приведут к этим великим убеждениям»⁹.

Изложив в письме юной собеседнице «значение художника в обществе», указав на то, «какие высокие, никому другому неведомые и никакой земною властью неотъемлемые наслаждения дано испытывать ему в жизни», Даргомыжский вопрошает: прав ли будет художник, «если захочет, при всем том, гоняться и за богатством, и за почестями земными, и за ласковой улыбкой знатных людей, и за красной подкладкой на пальто, и за разными порочными и беспорочными знаками на груди, и, наконец, пожелает начальствовать над другими?»¹⁰ И дает ответ: нет, судьба «за излишнее честолюбие» обязательно накажет.

⁸ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. [1857] г. См.: Стасов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии. С. 429.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 429–430.

О несовместимости избранного «истинным художником» пути служения искусству с поисками славы Даргомыжский в 1855 году писал В. Н. Кашперову¹¹:

Ежели же цель ваша сделать из искусства только средство к достижению более или менее известности или славы, я точно также от души отзываю вас назад от музыкального поприща, не потому чтобы полагал невозможным для вас достижение этой известности (кто может знать будущее?), но по твердому моему убеждению, что все избранные, заслужившие в изящных искусствах почетное имя — заслужили его именно потому, что имели в виду лишь искусство и не заботились о своей славе¹².

Но все-таки Даргомыжский «дозволяет» музыканту-исполнителю «некоторое искательство для достижения славы и почета», поскольку «тяжело трудиться и не заслуживать внимания»¹³, «дозволяет» художнику, способному «любить искусство более других благ на земле», иметь «некоторое самолюбие, необходимое для преследования любимой цели среди глупых окружающих его толков» и дорожить «славой своей», но не заботиться и не хлопотать о ней. «Были бы творчество и добросовестный труд, — слава придет сама собой. Искать же почестей или начальства над кем бы то ни было» Даргомыжский считает «просто унижительным для художника»¹⁴.

«Истинный художник» — в романтическом мировосприятии Даргомыжского — бежит от «толпы» и жаждет уединения. «Утешительная способность» к уединению, которой природа одарила талантливого человека, — это спасительная возможность забыть «про толки людские» и наслаждаться искусством, писать для себя и «немногих»¹⁵. «Уединение и постоянная забота об усовершенствовании своих произведений — вот

¹¹ Кашперов Владимир Никитич (1826–1894), композитор, вокальный педагог, автор опер «Цыгане», «Мария Тюдор», «Консуэло», «Риенци», «Гроза», «Тарас Бульба» и других.

¹² Письмо А. С. Даргомыжского — В. Н. Кашперову [3 апреля 1855 г. Санкт-Петербург]. См.: Письма к В. Н. Кашперову А. С. Даргомыжского // Русское обозрение. 1894. Т. 28. Август. С. 819–820.

¹³ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной [1857]. См.: *Стасов В. В.* Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии. С. 429.

¹⁴ Там же. С. 432.

¹⁵ Письмо А. С. Даргомыжского — В. Г. Кастриото-Скандербеку. 10 августа 1843 г. См.: Даргомыжский А. С. (1813–1869). Автобиография. Письма. Воспоминания современников. С. 12–13.

истинная жизнь художника, вот его счастье»¹⁶. Нарушить уединение творца позволено лишь близкому кругу друзей-единомышленников.

Если бы вы знали,— пишет он Кармалиной,— как я спокойно и приятно провожу время дома в немногочисленном, но взаимно-искреннем и преданном искусству кружке, состоящем из нескольких моих учениц и нескольких талантливых любителей пения. Русская музыка исполняется у нас просто, дельно, без всякой вычурной эффектности. Одним словом — исполнение такое, какое любил покойный наш друг Михайла Иванович [Глинка.— Н. О.]¹⁷.

Сохранить искусство «в благородном его значении» возможно только «...в небольших артистических кружках. Все остальное — или спекуляции, или пошлые забавы. Шарлатанство везде преобладает»¹⁸.

«Истинный художник», избравший путь служения искусству — идеалу романтического художника, — «то же, что Пророк». Как пророку ему посылаются минуты и часы вдохновения «дабы передать людям хорошее и изящное этого мира». Вдохновение — божественный дар, ниспосланный свыше; его приход — необъясним. Без вдохновения художники «делаются обыкновенными людьми <...> они сами не ведают, когда и в какой мере возвратятся им эти божественные минуты»¹⁹. Так, Даргомыжский сообщает Кармалиной о посланных ему «божественных минутах» во время работы над «Каменным гостем»: «Пишу не я, а какая-то сила, для меня неведомая»; «в течение двух с половиной месяцев написал почти $\frac{3}{4}$ всей оперы»²⁰. А без вдохновения, как «обыкновенные люди», лето 1857 года «провел в совершенном бездействии, даже в скуке», «проектов и начатков» много, «а когда кончу? Бог ведает!...»²¹; по поводу необходимой переделки «Эсмеральды» для постановки в Москве жаловался на неспособ-

¹⁶ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной [1857] г. См.: *Стасов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии.* С. 429.

¹⁷ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 30 ноября 1859 г. См. там же. С. 426–427.

¹⁸ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 15 сентября 1865 г. См. там же. С. 433. Стасов указывает ошибочную датировку: 15 мая.

¹⁹ Письмо А. С. Даргомыжского — В. Н. Кашперову [3 апреля 1855 г. Санкт-Петербург]. См.: Письма к В. Н. Кашперову А. С. Даргомыжского. С. 819–820.

²⁰ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 9 апреля 1868 г. См.: *Стасов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии.* С. 434.

²¹ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 16 августа 1857 г. См. там же. С. 421.

ность к заказной работе, когда приходилось писать «по неволе и в дурном расположении духа»²².

В письмах к Кармалиной высвечивается образ Даргомыжского — романтического героя, гения-одиночки, борца за высокие идеалы искусства, пребывающего в состоянии некоего вызова враждебному обществу. Так, знаменитая энергичная фраза «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды» как главный символ творческого *credo* брошена композитором всем, кто не признает в нем вдохновения.

Артистическое положение мое в Петербурге незавидно. Большинство наших любителей музыки и газетных писак не признает во мне вдохновения. Рутинный взгляд их ищет лстивых для слуха мелодий, за которыми я не гонюсь. Я не намерен снизводить для них музыку до забавы. *Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды* [курсив мой.— Н. О.]. Они этого понять не умеют. Отношения мои к здешним знатокам и бездарным композиторам еще более грустны, потому что двусмысленны. Уловка этих господ известна: безусловно превозносить произведения умерших, чтобы не отдавать справедливости современным²³. Это ведется с давних времен. Притом, неуважение ко мне дирекции дает им сильныя против меня оружия. Сколько выслушиваю я нелестных намеков, но привык и холоден к ним²⁴.

Негодующий тон данного высказывания очевиден. Даргомыжский не скупится на жесткость оценок, направленных в сторону своих противников: «газетные писаки», «бездарные композиторы», их «уловки», «рутинный взгляд», «лстивые мелодии». И знаменитая фраза возникает в пламенном, горделивом потоке речи как некая кульминационная точка обвинительного акта. В советской историографии эта фраза, как правило, интерпретируется в связи с «национальным характером и стилем» «Русалки», сложившимися у композитора «принципами интонационного реализма», созданием «нового типа оперного речитатива, тонко вскрывающего интонационный смысл слова, наполненного музыкально-психологическим

²² Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 21 октября 1859 г. См. там же. С. 425.

²³ Н. Ф. Финдейзен сопроводил это высказывание примечанием: «Несомненно Даргомыжский имеет здесь ввиду статьи, посвященные памяти Глинки» (Даргомыжский А. С. (1813–1869). Автобиография. Письма. Воспоминания современников. С. 55).

²⁴ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 9 декабря 1857 г. См.: Стасов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии. С. 422–423.

содержанием, умно и чутко следующего за словесной речью»²⁵. Мастерство Даргомыжского в сфере музыкальной декламации — бесспорно. Но тезис «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды» говорит нам о многом: о независимости, исключительности избранного композитором творческого пути, осознании им своей миссии творца-новатора в мире враждебной действительности.

С одной стороны, Даргомыжский как свободный художник, проповедующий ценности высокого искусства, творчество, уединение романтического толка, дистанцируется от ненавистного ему общества «писак», «знатоков», «бездарных композиторов», с другой — пристально в это общество всматриваясь, вступает с ним в конфликт. О Дирекции императорских театров, аристократии («знатоках»), музыкальных критиках, публике Даргомыжский отзывается резко, с интонацией уязвленного человека и романтического художника, пережившего удары судьбы. Его оскорбляют «каверзы» театральной дирекции, не ставившей выстраданные им оперы в течение длительного времени; он недоволен тем, что о нем пишут в газетах. Но чуждая Даргомыжскому непоэтическая «толпа» — это не обезличенная масса тех, для кого безусловен приоритет материального, а вполне конкретные административные (театральная дирекция), профессиональные (журналы и газеты) институции, известные лица из стана недругов, на которых он изливает свой сарказм. Так, недовольный премьерной («гнусной») постановкой «Русалки», Даргомыжский со свойственной ему веселой издевкой сравнивает облик директора императорских театров А. М. Гедеонова с появившейся в русалочьей сцене «человеческой головой» морского деревянного чучела с «бакенбардами на щеках», с туловищем огромного окуня и кольцеобразным хвостом²⁶. Обращая внимание на «возгласы фельетонистов и музыкальных рецензентов» по поводу сгоревших в Театре-цирке партитур опер Глинки и его «Русалки», он в пренебрежительном тоне упоминает имена профессиональных музыкальных критиков — «Стасовых, Серовых, Манов, Ростиславов, Зотовых и проч.»²⁷.

Романтическая оппозиция «герой — общество» в полной мере проявилась и в жизни Даргомыжского. Он активно боролся за постановку своих

²⁵ Пекелис М. С. Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение: В 3 т. Т. 2: 1845–1857. М., 1973. С. 260–261.

²⁶ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 9 декабря 1857 г. См.: Стасов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии. С. 423.

²⁷ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 21 октября 1859 г. См. там же. С. 425. Имеются в виду: В. В. Стасов, А. Н. Серов, И. П. Манн, Ф. М. Толстой (Ростислав), Р. М. Зотов.

опер: писал в 1858 году министру императорского двора графу В. Ф. Адлербергу жалобу на дирекцию, не возобновлявшую «Эсмеральду», купировавшую без его ведома партитуру «Русалки» и прекратившую спектакли, несмотря на интерес к опере публики. Даргомыжский обладал поразительной волей композитора и человека, стремившегося продвигать свои оперы на сцену, несмотря на неудачи. До премьерных показов опер он активно занимался их рекламированием, разными способами привлекая внимание любителей музыки и создавая общественное мнение: инициировал в концертах исполнение оперных фрагментов, в том числе и с участием известных певцов, устраивал домашние спектакли, на которых оперы звучали в полном виде, печатал их фрагменты в журналах. Он отстаивал свое право на повышение гонораров, положенных за принятые к постановке оперы, излагая письменно свои требования Геденову²⁸.

Даргомыжский не во всем был прав, бросая вызов дирекции, несправедливые упреки в адрес музыкальных критиков. В письмах к Кармалиной проступает неоднозначность личности Даргомыжского, не чуждой разного рода человеческим слабостям. Так, ему явно не дает покоя как прижизненная, так и посмертная слава Глинки. Он обнаруживает у Глинки, слушавшего на вечере в своем доме увертюру и хоры из «Русалки», «ревнивое чувство». На его взгляд, и характер у Глинки был «не всегда гладкий», хотя «художественное чувство пересиливало его, и слово одобрения вырывалось невольно»²⁹. В связи с гибелью оперных партитур в пожаре Театра-цирка Даргомыжский с досадой подчеркивает, что партитуры Глинки «находятся в Петербурге, Москве и за границей в числе пяти или шести копий», а «Русалка» сохранилась только в одном экземпляре благодаря певице Е. С. Семеновой, списавшей ее для своего бенефиса³⁰. Он приписывает Глинке приверженность к «одной пагубной страсти», прошпиговавшей «страдальческой бичевкой всю жизнь его», — «любви к славе и овациям»³¹. Н. Ф. Финдейзен отмечает:

...наиболее было искренно отношение двух приятелей вначале, до середины 40-х годов, когда А. С. [Даргомыжский. — Н. О.] по-

²⁸ Подробнее об этом сюжете см.: Огаркова Н. А. «Жалоба» А. С. Даргомыжского и рапорт А. М. Геденова министру императорского двора В. Ф. Адлербергу // Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь-исследование. XIX век: 1801–1861. Т. 13: Материалы к энциклопедии. СПб., 2014. С. 45–70.

²⁹ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 9 декабря 1857 г. См.: Стасов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии. С. 423.

³⁰ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 21 октября 1859 г. См. там же. С. 425.

³¹ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. [1857] г. См. там же. С. 430.

бывал за границей, затем добился постановки «Эсмеральды», после чего стал относиться к Глинке критически, не то завистливо, не то недоброжелательно³².

Даргомыжский был далеко не безразличен к успеху или неудаче своих сочинений, ревниво относясь к их профессиональной репутации среди современников. Ему, безусловно, доставляли удовольствие сообщения Кармалиной о том, что его сочинения исполняются за границей, хотя он и старался дать ей понять, что этой частью своей биографии не интересуется.

Вы все пишете о какой то моей громкой известности в Польше и за границей, прибавляя к тому, что я не стою, чтобы вы мне писали о ней. Совершенно с вами согласен, да и не интересуюсь ею³³.

Образ Даргомыжского — с характерными для него романтическими идеалами, определяющими отношение к славе и почестям, искусству и вдохновению, с его вторгающимися в жизнь поступками и личными пристрастиями — «собрать» нелегко. Яркие, откровенно-доверительные письма к Кармалиной дают нам возможность достаточно близко подойти к пониманию мировоззрения и личности композитора. Но безусловно, представленные в данной статье сюжеты этими письмами не исчерпываются. В дальнейшем предстоит включить в исследовательское поле новые источники, переписку с разными адресатами, расширив историко-культурный контекст, и рассматривать личность Даргомыжского как интерпретатора своего прошлого.

Литература

1. Гусейнова З. М. Из истории первых публикаций об А. С. Даргомыжском // Вестник СПбГУ. Сер. 15. 2013. Вып. 4. С. 16–22.
2. [Даргомыжский А. С.] Автобиография и письма А. С. Даргомыжского / [Публ. И. А. Корзухина] // Артист. 1894. Год 6-й. Кн. 3. № 35. С. 32–49; Кн. 5. № 37. С. 25–31; Кн. 7. № 39. С. 94–97.

³² Финдейзен Н. Ф. Александр Сергеевич Даргомыжский. Очерк его жизни и музыкальной деятельности. М.; Лейпциг, 1904. С. 14. Финдейзен кратко рассматривает историю непростого отношения Даргомыжского к Глинке. (Там же. С. 14–17.)

³³ Письмо А. С. Даргомыжского — Л. И. Кармалиной. 16 сентября 1859 г. См.: Стасов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии. С. 424.

3. Даргомыжский А. С. (1813–1869). Автобиография. Письма. Воспоминания современников / Ред. и прим. Н. Ф. Финдейзена. СПб.: Госиздательство, 1921. VIII, 182 с.
4. Даргомыжский А. С. Избранные письма / Вступит. статья и ред. проф. М. С. Пекелиса. М.: Госмузиздательство, 1952. Вып. 1. 76 с.
5. Огаркова Н. А. «Жалоба» А. С. Даргомыжского и рапорт А. М. Гедеева министру императорского двора В. Ф. Адлербергу // Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь-исследование. XIX век: 1801–1861. Т. 13: Материалы к энциклопедии / Отв. ред. и составитель Н. А. Огаркова. СПб.: РИИИ, Союз композиторов Санкт-Петербурга, издательство «Композитор • Санкт-Петербург», 2014. С. 45–70.
6. Огаркова Н. А. Образ А. С. Даргомыжского в письмах к Л. И. Кармалиной // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2017. 3 [45]. С. 3–8.
7. Пекелис М. С. Александр Сергеевич Даргомыжский и его окружение: В 3 т. Т.2: 1845–1857. М.: Музыка, 1973. 414 с.
8. Письма к В. Н. Кашперову А. С. Даргомыжского // Русское обозрение. 1894. Т. 28. Август. С. 819–820.
9. Стасов В. В. Александр Сергеевич Даргомыжский. Материалы для его биографии. 1813–1869. Письма Даргомыжского к Л. И. Кармалиной // Русская старина. 1875. Июль. С. 416–435.
10. Финдейзен Н. Ф. Александр Сергеевич Даргомыжский. Очерк его жизни и музыкальной деятельности. М.; Лейпциг: Юргенсон, 1904. 51 с.

Список сокращений

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

References

1. [Dargomyzhsky A. S.] Avtobiografija i pis'ma A. S. Dargomyzhskago [A. S. Dargomyzhsky's Autobiography and Letters] / [Publ. I. A. Korzukhina] // Artist. 1894. 6th year. Vol. 3. No 35. P. 32–49; Vol. 5. No 37. P. 25–31; Vol. 7. No 39. P. 94–97.
2. Dargomyzhsky A. S. (1813–1869). Avtobiografija. Pis'ma. Vospominanija sovremennikov [Autobiography. Letters. Memoires of Contemporaries] / Ed. by N. F. Findeizen. St Petersburg: Gosizdatel'stvo, 1921. VIII, 182 p.
3. Dargomyzhsky A. S. Izbrannye pis'ma [Selected Letters] / Preamble and ed. by M. S. Pekelis. Moscow: Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo, 1952. Issue 1. 761 p.
4. Findeizen N. F. Aleksandr Sergeevich Dargomyzhsky. Oчерk ego zhizni i muzykal'noj dejatel'nosti [Alexander Sergeevich Dargomyzhsky. Article of His Life and Musical Practice]. Moscow; Leipzig: Jurgenson, 1904. 165 p.
5. Guseinova Z. M. Iz istorii pervykh publikatsij ob A. S. Dargomyzhskom [From the History of First Articles about A. S. Dargomyzhsky] // Vestnik of Saint Petersburg University. Series 15 (Arts). 2013. Issue 4. P. 16–22.
6. Ogarkova N. A. „Zhaloba“ A. S. Dargomyzhskogo i raport A. M. Gedeonova ministru imperatorskogo dvora V. F. Adlerbergu [The A. S. Dargomyzhsky's “Complaint” and the A. M. Gedeonov's Report to V. F. Adlerberg, the Minister of the Imperial Court] // Muzy-

- kal'ny Peterburg. Entsiklopedicheskij slovar'-issledovanije. XIX vek: 1801–1861. Materialy k entsiklopedii [Musical St. Petersburg. Encyclopedia-Research. XIX Century] Vol. 13 / Ed. by N. A. Ogarkova. St. Petersburg: Russian Institute of the Art, Sojuz kompozitorov Sankt-Peterburga, Izdatel'stvo „Kompozitor • Sankt-Peterburg“, 2014. P. 45–70.
7. *Ogarkova N. A.* Obraz A. S. Dargomyzhskogo v pis'makh k L. I. Karmalinoj [Figure of A. S. Dargomyzhsky in Letters to L. I. Karmalina] // Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovanija [Actual Problems of Higher Musical Education]. 2017. 3 [45]. P. 3–8.
 8. *Pelekis M. S.* Aleksandr Sergeevich Dargomyzhsky i ego okruzenije [Alexander Sergeevich Dargomyzhsky and His Circle]: In 3 volumes. Vol. 2: 1845–1857. Moscow: Muzyka, 1973. 441 p.
 9. Pis'ma k V. N. Kashperovu A. S. Dargomyzhskogo [A. S. Dargomyzhsky's letters to V. N. Kashperov] // Russkoje obozrenije [Russian Review]. 1894. Vol. 28. August. P. 819–820.
 10. *Stasov V. V.* Aleksandr Sergeevich Dargomyzhsky. Materialy dlya ego biografii. 1813–1869. Pis'ma Dargomyzhskago k L. I. Karmalinoj [Alexander Sergeevich Dargomyzhsky. Materials for His Biography. 1813–1869. Dargomyzhsky's Letters to L. I. Karmalina] // Russkaja starina [Russian Antiquities]. 1875. July. P. 416–435.